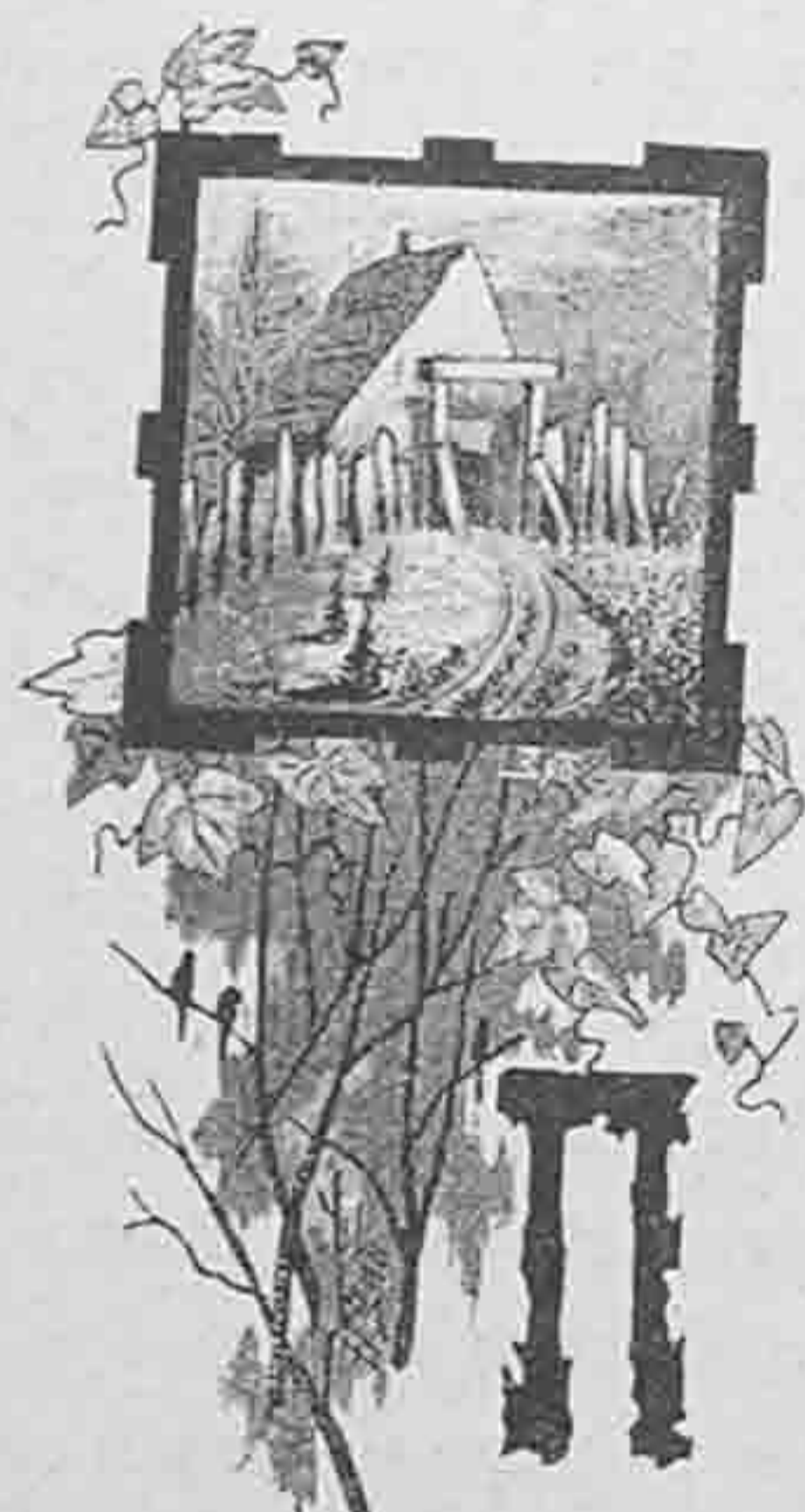

ОЧЕРКЪ V.

ПОДЧИНЕНІЕ АМУРА РОССІИ.

Первыя извѣстія объ Амурѣ въ 1639 г. — Казацкіе походы и завоеванія на этой рѣкѣ. — Борьба съ инородцами и китайцами. — Постройка Албазина и его защита. — Нерчинскій договоръ 1689 года. — Мысль о необходимости присоединенія Амурскаго края не оставляла русскихъ государственныхъ людей и Сибирскія народы. — Исслѣдованія устья Амура въ XIX столѣтїи и защита его въ восточную войну 1854 г. — Присоединеніе Амурскаго края, Айгунскія и Тяньцзинскія договоры 1858 г. — Пекинскій трактатъ.

... Изъ вѣка въ вѣкъ,
Шелъ крѣпкій русскій человекъ
На дальній сѣверъ и костокъ
Неудержимо, какъ потокъ,
Съ плохой винтовкой за плечомъ,
Иль съ неизлѣпимъ топоромъ,
Съ краюхой хлѣба въ кошелъ,
Отдавъ поклонъ родной землѣ,
Отъ непригляднаго житья,
Онъ шелъ въ безвѣстные края
Урезъ тундры, рѣки и хребты,
Урезъ быстрины и высоты,
Пока въ невѣдомой дали
Онъ не пришелъ на край земли,
Гдѣ было некуда идти,
Гдѣ поперекъ его пути,
Одѣтый въ бури и туманъ
Всталъ необъятный океанъ...

М. РОВЕНГЕЙМЪ.

Послѣдователи Ермака, казаки и промышленные люди, быстро овладѣвали землями сибирскихъ инородцевъ сѣвера. Разныя племена, одно за другимъ, подчинялись силѣ пришельцевъ и признавали власть русскихъ царей, и потому казаки встрѣчали препятствія въ своемъ движеніи на востокъ, болѣе въ суровыхъ естественныхъ условіяхъ, чѣмъ въ сопротивленіи аборигеновъ.

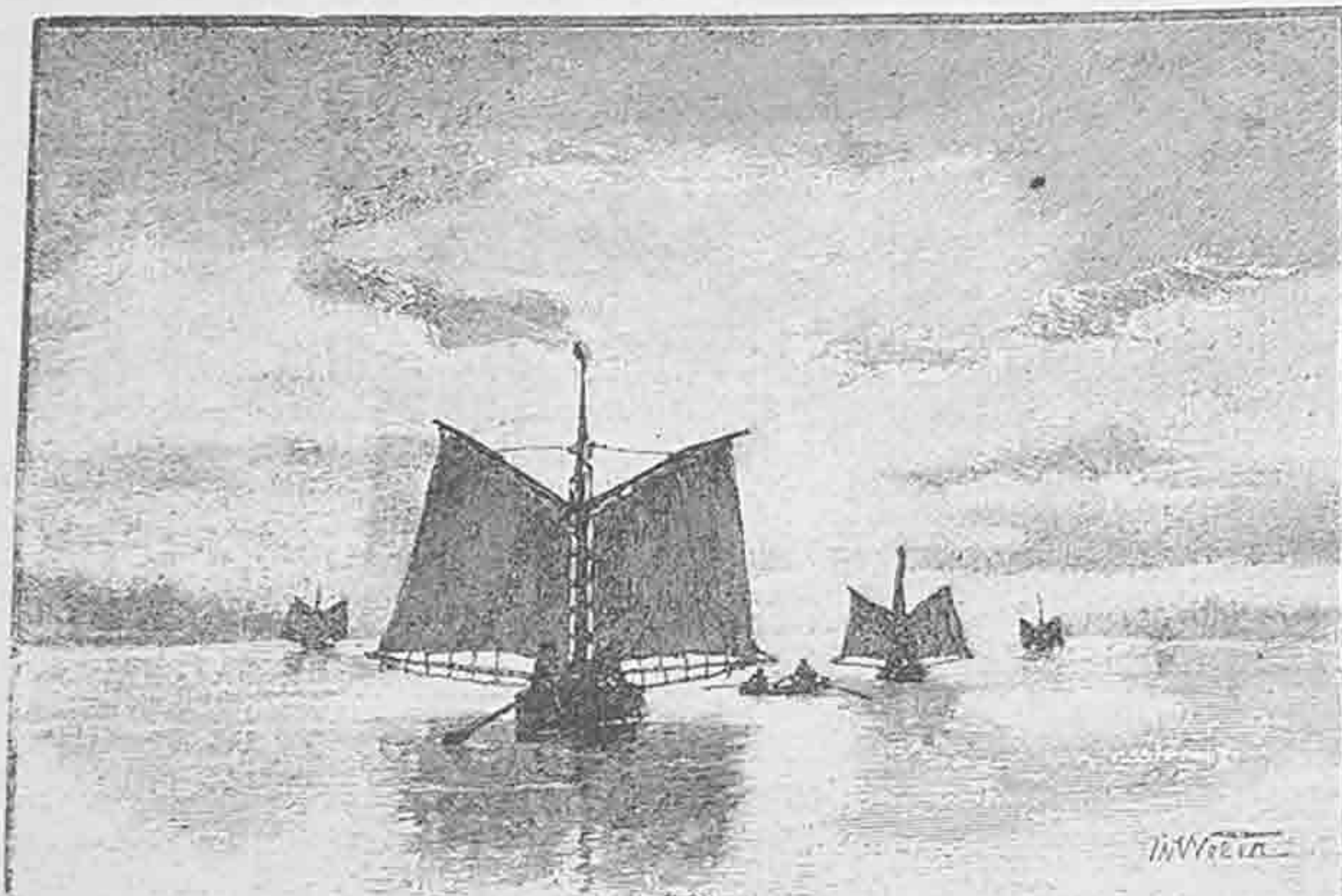
Не такъ легко было покорить южную полосу Сибири, гдѣ инородцы группировались въ племена, болѣе сильныя своею численностію и воинственностію и, кромѣ того, имѣли поддержку въ могущественныхъ киргизскихъ и монгольскихъ ордахъ, нерѣдко серьезно угрожавшихъ русскому владычеству въ Сибири. Еще труднѣе была борьба съ Небесною Имперіею или Китаемъ, государствомъ, которое имѣло тогда сильную военную организацію, вело войну съ народами Средней Азїи, и присоединило Монголію, почти одновременно съ покореніемъ Сибири. Но эти препятствія не останавливали казаковъ, потому что они не знали силы противниковъ; съ другой-же стороны, богатства южныхъ странъ манили завоевателей.

Наступательное движеніе на востокъ, привело казака Ивана Москвитина, въ 1639 году, на берегъ моря Ламы (Охотскаго). Онъ объясчилъ всѣхъ побережныхъ тунгусовъ и на р. Удѣ узналъ отъ туземцевъ, что на югѣ отъ нихъ, за горами, течетъ р. Чи (Зей), притокъ впа-

дающего въ Великое море Шилкара (Амура); что на этихъ рѣкахъ живетъ земледѣльческій и промышленный народъ, который ведетъ оживленный торгъ съ тунгусами на р. Омутѣ, обмѣнивая у нихъ пушнину на хлѣбъ, драгоценныя ткани и металлическія издѣлія.

Это были первыя свѣдѣнія объ Амурскомъ краѣ. Вскорѣ они были пополнены Енисейскимъ атаманомъ Максимомъ Перфильевымъ, ходившимъ въ 1640 году на р. Витимъ, чтобы привести въ русское подданство тунгускія племена. Здѣсь онъ узналъ, что къ юго-востоку отъ нихъ, на р. Шилкарѣ (Амурѣ), находятся владѣнія князя Лавкая, изобилующія серебряною и мѣдною рудою, что жители плавятъ эти металлы и промѣниваютъ ихъ у сѣверныхъ сосѣдей, тунгусовъ, на пушнину, которая продается китайцамъ, взаменъ шелковыхъ тканей и другихъ товаровъ.

Такія богатства превъышали все, о чемъ могли мечтать сибирскіе завоеватели. Якутскій воевода Иванъ Головинъ, получивъ «отписки» Москвитина и Перфильева, немедленно снарядилъ въ амурскій край письменнаго голову Василя Пояркова и отрядъ въ 130 казаковъ, для проверки полученныхъ свѣдѣній. Лѣтомъ 1643 г. начался походъ вверхъ по рѣкѣ Алдану и его притокамъ на лодкахъ. Но трудность пути по быстрымъ и порожистымъ рѣкамъ замедляла

Гилякскія суда.

движеніе, и зима застала Пояркова на р. Гономѣ. Энергичный казакъ бросилъ лодки и перешелъ Становой хребетъ на нартахъ, зимою-же выстроилъ струги на Бряндѣ, притокѣ р. Зеи, а лѣтомъ спустился въ р. Амуръ и внизъ по его теченію до устья. Позднее время года и трудность подъема вверхъ по рѣкѣ заставили его зимовать въ землѣ гиляковъ и весною возвратиться въ Якутскій край моремъ, на вновь построенныхъ досчанникахъ. Свѣдѣнія, привезенныя Поярковымъ въ Якутскъ въ 1646 г. не подтвердили извѣстій

о рудныхъ богатствахъ, но выяснили всѣ удобства страны для пашни и поселенія. Край оказался населеннымъ и независимымъ отъ Китая. Жители, занимаясь мѣстами хлѣбопашествомъ, мѣстами пушнымъ и рыбнымъ промысломъ, мѣняли свои произведенія въ Китаѣ на серебро, шелковыя ткани и другія цѣнности. Населеніе жило въ довольствіи и выказывало большое миролюбіе.

Эти извѣстія о богатомъ краѣ быстро разнеслись въ Сибири и привлекли особенное вниманіе промышленныхъ людей, любителей легкой наживы. Одинъ изъ нихъ, Ерофей Хабаровъ, испросилъ дозволеніе якутскаго воеводы Францбекова идти въ амурскій край и покорить его. Въ виду этого онъ обязался на свой счетъ и рискъ снарядить партію въ 150 человекъ, частію изъ вольницы, частію изъ казаковъ. Въ 1647 году, во главѣ 70 человекъ, Хабаровъ поднялся по рѣкамъ Олекмѣ и Тугиру и зимою на нартахъ перевалилъ горы и вышелъ на Амуръ въ верхнемъ его теченіи, во владѣніяхъ князя Лавкая. Появленіе невѣдомыхъ людей, владѣющихъ молніеподобнымъ оружіемъ, навело паническій страхъ на инородцевъ; они бѣжали въ лѣса, оставляя на произволъ пришельцевъ не только свои стойбища, но даже укрѣпленные города. Не помогли увѣренія Хабарова, что подданство Россіи дастъ народу милостивое правленіе и безопасность отъ враговъ, жители не вѣрили и не возвращались. Такое

упорство возбудило въ казакахъ опасеніе засады, или вѣроломнаго нападенія и Хабаровъ рѣшился занять своимъ отрядомъ одну изъ крѣпостей и призвать подкрѣпленіе. Онъ выбралъ городъ, богатый хозяйственными угодами и укрѣпился въ немъ. Это былъ, по всей вѣроятности, извѣстный впоследствии городъ Албазинъ.

Осенью 1650 г. Хабаровъ привелъ лично изъ Якутска подкрѣпленіе въ 117 казаковъ и весною слѣдующаго года, соединивъ всѣ свои силы, поплылъ внизъ по р. Амуру. Взявъ нѣсколько крѣпостей и разбивъ дауровъ въ многократныхъ стычкахъ, казаки принудили ихъ признать подданство Россіи, платить ясакъ и выдать заложниками своихъ князей. Миръ установился, но не на долго; инородцы воспользовались оплошностію казаковъ, освободили заложниковъ и бѣжали въ лѣса. Хабаровъ наказалъ такое возмущеніе сожженіемъ городовъ и селеній и избіеніемъ всѣхъ пойманныхъ дауровъ.

Не имѣя возможности зимовать въ опустошенной мѣстности, казаки спустились внизъ, въ землю дучеровъ, народа питавшагося рыбою. Вѣроятно, это то самое племя, которое теперь называется гольдами. Хабаровъ опасался многочисленныхъ инородцевъ и потому свое зимовище укрѣпилъ деревянными башнями и стѣнами. Дѣйствительно, дучеры пытались выбить пришельцевъ, но были отражены; тогда они обратились за помощью къ манджурамъ на устьѣ р. Сунгари. Китайскій намѣстникъ рѣшился принять энергическія мѣры для удаленія русскихъ, сосѣдство которыхъ внушало справедливыя опасенія. Онъ отправилъ противъ Хабарова сильный отрядъ съ артиллеріею, но неожиданный приступъ этихъ силъ былъ отбитъ казаками, которые даже взяли, какъ трофеи, 2 орудія.

Манджуры не могли оставить безъ возмездія такого пораженія, вредно повліявшаго на ихъ власть среди амурскихъ инородцевъ, и потому они собрали на устьѣ р. Сунгари большое число вооруженныхъ судовъ и значительное войско, чтобы не пропустить отрядъ Хабарова обратно въ землю дауровъ.

Даурскій домъ.

Весною 1651 года казаки были вынуждены недостаткомъ продовольствія и боевыхъ запасовъ идти вверхъ по Амуру. Узнавъ о засадѣ китайцевъ, Хабаровъ выждалъ сильнаго попутнаго вѣтра и неожиданно прошелъ опасное мѣсто съ такою быстротою, что враги не успѣли даже произвести нападенія.

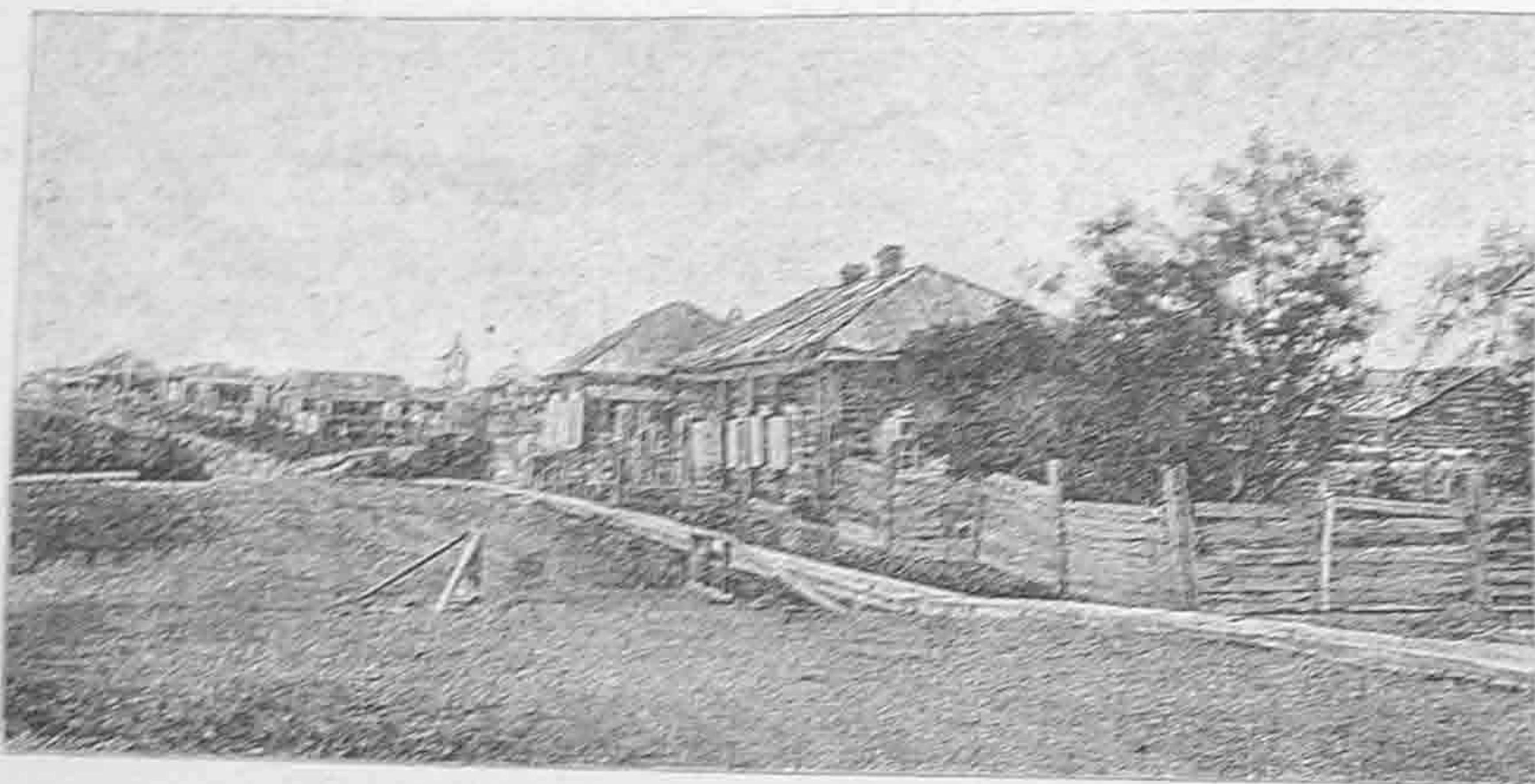
Пройдя Хинганскій хребетъ, отрядъ встрѣтилъ подкрѣпленіе въ 144 казака подъ командою Чечигина, съ запасомъ пороха и свинца. Это приращеніе увеличило отрядъ Хабарова до 348 человекъ, чего считалось достаточнымъ для полнаго покоренія амурскаго края и пораженія китайскаго войска. Но этого, однако, не осуществилось, вслѣдствіе несогласія между казаками. 130 казаковъ отдѣлились и отправились внизъ по Амуру для грабежа и наживы. Хабаровъ былъ вынужденъ укрѣпиться во вновь построенномъ острогѣ, противъ устья р. Кумары и ждать новыхъ подкрѣпленій, за которыми онъ отправилъ особыхъ посланцевъ въ Якутскъ.

Тѣмъ временемъ, послѣ извѣстій о первыхъ удачныхъ дѣйствіяхъ Хабарова на Амурѣ, русское правительство рѣшилось принять серьезныя мѣры къ упроченію завоеванія богатаго края и отправить туда околичнаго князя Лобанова-Ростовскаго, съ войскомъ въ 3000 человекъ. Предположеніе это не состоялось, но приготовленія къ походу были отчасти сдѣланы дворяниномъ Зиновьевымъ, отправленнымъ для этой цѣли въ Сибирь и на Амуръ.

Привлекая въ Ленской край, Зинovieвъ застала тамъ общее стремленіе во вновь открытый край, богатство котораго посланцы Хабарова описывали въ сильно преувеличенномъ видѣ. Образовались артели «олочихъ» людей, они шли въ Амурскій край, грабили жителей и безслѣдно исчезали въ борьбѣ съ голодомъ и оружіемъ манджурскихъ войскъ и въ засадахъ народовъ. Зинovieвъ и мѣстныя власти останавливали это движеніе, но безуспѣшно.

Зинovieвъ, во главѣ 30 казаковъ, достигъ въ 1653 году устья рѣки Зеи, гдѣ онъ встрѣтилъ Хабарова, пришедшаго туда для реквизиціи продовольствія. Зинovieвъ отираетъ Хабарова къ Москву, для личнаго объясненія о положеніи дѣлъ на Амурѣ и, поручивъ Онуфрію Степанову начальство надъ казаками и краемъ, возвратился въ Якутскъ.

Съ отъѣздомъ Хабарова, дѣла измѣнились къ худшему. Предшествовавшія опустошенія края лишили казаковъ возможности продовольствоваться на счетъ мѣстныхъ инородцевъ; по этому Степановъ вынужденъ былъ дѣлать набѣги въ Манджурію по р. Сунгари и держаться устья этой рѣки. Въ 1653 году ему удалось обезпечить себя хлѣбомъ, но въ слѣдующемъ году набѣгъ не удался потоку, что, по приказанію властей, жители удалились съ низовьевъ р. Сунгари, вмѣсто-же ихъ казаки встрѣтили войско, отразившее ихъ поиски. Степановъ пошелъ

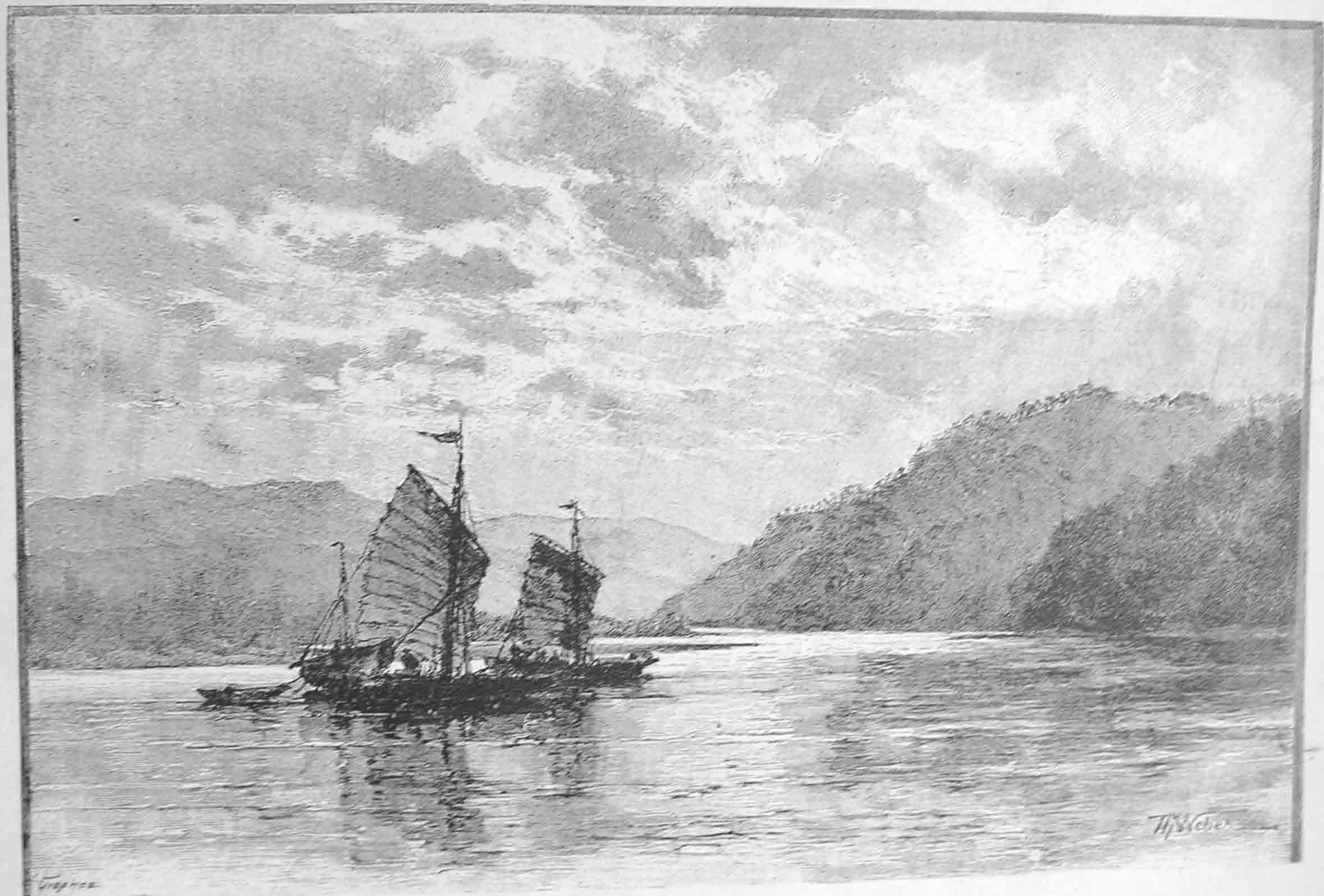

Албазинъ (теперь ставка).

вверхъ по Амуру, на встрѣчу Бекетову, пришедшему изъ Нерчинска съ подкрѣпленіемъ; соединившись съ нимъ, русскій отрядъ укрѣпился въ Кумарскомъ острогѣ. Но по слѣдамъ казаковъ шли манджурскія войска и осадили укрѣпленія. Съ трудомъ отбили русскіе отъ нѣсколькихъ приступовъ и заставили враговъ удалиться.

Между тѣмъ возникъ споръ между Якутскимъ и Нерчинскимъ воеводами о подчиненіи Амурскаго края и потому ни тотъ ни другой не высылалъ на Амуръ ни подкрѣплений, ни боевыхъ запасовъ. Это обстоятельство рѣшило участь Степанова. Борясь съ голодомъ и манджурами, онъ держался еще до 1658 г., но въ этомъ году былъ разбитъ богдыханскимъ войскомъ въ низовьяхъ рѣки Сунгари, куда загналъ казаковъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Предводитель, вмѣстѣ съ большою частью сподвижниковъ, палъ въ бою; часть казаковъ была взята въ пѣнъ и только немногіе успѣли бѣжать.

Удачнѣе шли дѣла въ верхнемъ теченіи Амура. Казакъ Черниговскій въ 1655 году вынужденъ былъ бѣжать, опасаясь ответственности за совершенное имъ убійство. Онъ собралъ партію олочихъ людей и удалился въ Албазинъ. Опасаясь участи другихъ подобныхъ партій жившихъ исключительно грабежемъ, Черниговскій рѣшился продовольствоваться собственнымъ хлѣбомъ и распахать пашни. Вскорѣ въ Албазинъ начали стекаться казаки и промышленные

Горька

Т. В. С.

Видъ Акура.

люди, уцѣлѣвшіе отъ другихъ партій; сюда-же прибывали и бѣглые крестьяне изъ Сибири. При такихъ условіяхъ, эта русская колонія быстро достигла цвѣтущаго состоянія, такъ что въ 1671 г. въ ней насчитывалось, кромѣ самой крѣпости, 6 большихъ деревень и монастырь. Албазинъ обратился тогда въ главный опорный пунктъ нашихъ дѣйствій на Амурѣ, отсюда шли казачьи отряды на Зею и ея притоки и основали тамъ въ 1671 г. ясачные остроги, въ которыхъ упрочилось хлѣбопашество и скотоводство. Изъ Албазина-же отправленъ Фроловъ на р. Амгунь, гдѣ онъ поставилъ зимовье и объясчилъ гиляковъ.

Но манджуры не дремали; возрастающее вліяніе русскихъ на Амурѣ, въ особенности прочность населенія въ Албазинѣ, внушали имъ опасеніе за свое преобладаніе въ краѣ. Наученное опытомъ прежнихъ своихъ неудачныхъ попытокъ вытѣснить казаковъ, китайское правительство шло къ своей цѣли весьма осмотрительно. Была построена крѣпость Айгунь, въ ней устроены склады военныхъ запасовъ и поставленъ многочисленный гарнизонъ. Въ 1683 году всѣ приготовления къ войнѣ были окончены, и манджуры немедленно начали непріязненные дѣйствія нападеніемъ на отрядъ Мыльникова въ 67 человекъ, посланный изъ Албазина на р. Амгунь. Казаки были разбиты многочисленнымъ врагомъ, часть была убита въ бою, остальные взяты въ плѣнъ и отведены въ Пекинъ. Двое изъ послѣднихъ, впрочемъ, скоро возвратились на берега Амура и передали въ 1684 г. албазинцамъ грамоту богдыхана, въ которой повелитель Небесной Имперіи категорически требовалъ удаленія русскихъ, въ случаѣ-же отказа, грозилъ своимъ гнѣвомъ и войною.

Угроза эта не подѣйствовала на албазинцевъ; они приготовились къ отпору, не смотря даже на малочисленность ратниковъ, всего 450 человекъ, и недостаточные запасы боевыхъ принадлежностей. Не надѣясь, однако, на свои собственные силы, угрожаемая колонія обратилась съ просьбою о помощи къ Сибирскимъ воеводамъ. Вслѣдъ за полученіемъ извѣстія объ опасности, изъ Тобольска было отправлено 600 казаковъ подъ начальствомъ Бейтона и запасы пороха и свинца.

Эти приготовления были не излишни, потому что весною 1685 года двинулись изъ Айгуна 15,000 манджуровъ, съ осадными орудіями европейской работы. Съ приближеніемъ враговъ, албазинскій воевода Толбузинъ перевелъ всѣхъ сельскихъ жителей въ городъ, стянувъ туда и всѣ хлѣбные запасы, которыхъ, однако, было недостаточно для продолжительной осады. Съ трепетомъ слѣдили албазинцы, кто придетъ раньше: жестокие-ли враги, или подкрѣпленія, посланныя съ Бейтономъ. Счастіе оставило казаковъ: о соотечественникахъ не было еще никакихъ извѣстій, какъ 12 іюня манджуры, обложивъ городъ, пошли немедленно на приступъ. Албазинцы, правда, успѣли отразить нападеніе, но при этомъ большая часть ратниковъ выбыла изъ строя, сильно пострадали деревянныя стѣны города, наконецъ, запасы пороха настолько истощились, что Толбузинъ убѣдился въ невозможности устоять противъ вторичнаго приступа и, не желая подвергать жителей безпощадной рѣзни, рѣшился вступить въ переговоры съ осаждающими. Онъ поставилъ требованіемъ свободное удаленіе жителей и войска во всемъ вооруженіи и съ правомъ увезти съ собою всѣ военные запасы. Предводители богдыханскихъ

Церковь въ Албазинѣ.

войскъ рады были избѣгнуть вторичной встрѣчи съ храбрымъ врагомъ, доведеннымъ до отчаянія и не только согласились на требованіе Толбузина, но смяливали русскихъ вступить въ китайское подданство, обѣщая значительныя льготы. Только 25 казаковъ приняли предложеніе, и силою увлекли съ собою священника Максима Леонтьева, впоследствии основавшаго въ Пекинѣ русскую церковь. Эта горсть русскихъ сослужила Россіи ту службу, что повела за собою учрежденіе въ Небесной Имперіи русской духовной миссіи, которая, до послѣдняго времени, служила важнымъ органомъ въ сношеніяхъ между имперіями, исполняя дипломатическія обязанности.

Толбузинъ со всѣмъ русскимъ населеніемъ отступалъ вверхъ по Амуру въ г. Нерчинскъ, подъ наблюденіемъ отряда манжурскихъ войскъ, которые, впрочемъ, вернулись, пройдя 100 верстъ. Еще на берегахъ Амура Толбузинъ встрѣтилъ Бейтона со 100 казаками, боевыми припасами и 2-мя мѣдными орудіями. Этой силы было недостаточно, чтобы взять обратно утерянный городъ и потому отступление продолжалось до г. Нерчинска.

Судьба Албазина не могла не интересовать русскихъ воеводъ, и потому въ ту же осень былъ посланъ отрядъ въ 70 казаковъ на рекогносцировку. Оказалось, что манжуры ушли въ Айгунь, разоривъ до основанія всѣ русскія поселенія, но оставили не тронутыми пашни, въ количествѣ 1000 десятинъ. Эти свѣдѣнія побудили Толбузина возвратиться въ ту-же осень, со всѣми прежними колонистами на пепелище, снять хлѣбъ, возобновить постройки и окружить городъ земляными укрѣпленіями.

Весною 1686 г. рекогносцировка въ бывшей Кумарскій острогъ убѣдила, что манжурскія власти знаютъ о возвращеніи русскихъ, и на Албазинъ идутъ 8000 манжуровъ съ сильною артиллеріею. Дѣйствительно, въ іюнѣ городъ былъ обложенъ, и на этотъ разъ враги, очевидно, рѣшились на продолжительную осаду, провели земляныя укрѣпленія параллельно городскому валу и громили острогъ артиллеріею. Двухмѣсячная осада не привела, однако, къ ожидаемой сдачѣ крѣпости, и манжуры рѣшились 1-го сентября на приступъ, который былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Тогда осаждающіе рѣшили принудить осажденныхъ къ сдачѣ голодомъ. Не смотря на смерть Толбузина, убитаго ядромъ, не взирая на повальныя болѣзни, на недостатокъ хлѣба и топлива, русскій гар-

Гибель гилъка.

низонъ держался до весны 1687 г. Зимняя осада была сопряжена и для манжуровъ съ большими лишеніями, они во всемъ терпѣли недостатокъ и ряды ихъ порѣдѣли отъ болѣзней, что и вынудило ихъ снять осаду 4 мая, а въ августѣ—отступить въ Айгунь. Албазинъ былъ спасенъ, но ликованіе жителей продолжалось не долго; чрезъ 2 года піонеры русскаго народа вынуждены были оставить свою, вновь устроенную, колонію.

Одновременно съ изложенными событіями, Россія и Китай, присоединяя инородческія племена, пришли въ непосредственное соприкосновеніе не только на Амурѣ, но и въ Монголіи. Установленіе опредѣленной границы между имперіями сдѣлалось предметомъ оживленныхъ переговоровъ, которые привели къ свиданію уполномоченныхъ въ Нерчинскѣ, въ августѣ 1689 года. Русскій посолъ Головинъ прибылъ на мѣсто съ немногочисленною свитою; представители же Китая появились во главѣ 15-ти тысячнаго войска, въ полной боевой готовности и даже не скрывая своего намѣренія немедленно начать военныя дѣйствія, если требованія ихъ не будутъ исполнены. Въ виду слабости военныхъ силъ въ краѣ и враждебнаго настроенія инородческихъ племенъ, Головинъ былъ вынужденъ уступить и подписать 27 августа весьма невыгодный договоръ. По 1-й статьѣ его, Россія уступила Китаю весь Амурскій край; между имперіями опредѣлена граница по водораздѣльной линіи Станового хребта до верховьевъ

р. Уды, далѣе же, до моря, рубежъ остался неопредѣленнымъ. По 3-ей статьѣ, Россія обязана была всѣхъ жителей Албазина, съ имуществомъ и военными запасами, вывезти въ Нерчинскъ и уничтожить всѣ поселенія на берегахъ Амура.

Важность потери Амурскаго края сознавалась, какъ государственными людьми, такъ и жителями. Особенно сильно ощущался недостатокъ воднаго сообщенія центра Сибири съ Восточнымъ океаномъ, когда въ началѣ XVIII столѣтія русскіе укрѣпились на берегахъ Охотска, Камчатки, а впоследствии и Сѣверной Америки.

Съ другой стороны, манжуры не придавали значенія вновь присоединенному краю, они даже не заселили удобныхъ земель, ограничиваясь лишь занятіемъ окрестностей Айгуна, по обоимъ берегамъ Амура. Вся остальная страна, населенная охотничьими племенами, чувствовала свою зависимость отъ Китая только при періодическихъ нашествіяхъ чиновниковъ, посылаемыхъ для сбора ясака и осмотра пограничныхъ столбовъ. Китайскія власти даже не озаботились провести границу согласно трактату и поставили пограничные межевые знаки южнѣе водораздѣльной линіи, какъ убѣдился въ этомъ академикъ Миддендорфъ во время своей экспедиціи 1845 года.

Такимъ отсутствіемъ надзора пользовались жители Забайкальскаго края и почти ежегодно спускались по Амуру до р. Кумары и ниже для пушного и рыбнаго промысловъ. Тунгусы и другіе бродячіе инородцы еще менѣе стѣснялись границею и свободно перекочевывали изъ одной имперіи въ другую по всему протяженію Станового хребта. Это движеніе началось вслѣдъ за заключеніемъ Нерчинскаго трактата и продолжалось до новаго присоединенія Амурскаго края къ Россіи въ 1858 г.

Одновременно съ этими событіями продолжалось движеніе русскихъ на востокъ и въ концѣ XVII столѣтія присоединена Камчатка. Императоръ Петръ I-й придавалъ этимъ владѣніямъ большое значеніе и положилъ начало научному изслѣдованію прибрежныхъ странъ. Онъ начерталъ планъ первой экспедиціи Витуса Беринга, несомнѣнно доказавшей въ 1728 г. существованіе пролива между Азіею и Америкою. Эти изслѣдованія получили особое развитіе въ 1733—1744 г.г., когда была снаряжена новая, весьма обширная экспедиція, подъ начальствомъ того же Беринга. При обсужденіи въ 1732 г. средствъ постройки судовъ для экспедиціи въ Охотскъ и продовольствія многочисленныхъ командъ, сосредоточенныхъ тамъ, встрѣтилось большое затрудненіе въ доставкѣ матеріаловъ и хлѣба изъ Иркутска черезъ Якутскъ въ Охотскъ, по мѣстностямъ, гдѣ не было не только дорогъ, но даже и достаточнаго населенія. Тогда Чириковъ, помощникъ Беринга, обратилъ вниманіе на сплавной путь по Амуру изъ хлѣбородныхъ мѣстъ Забайкалья и предложилъ сплавить всѣ грузы къ устью рѣки, которое, по его мнѣнію, слѣдовало занять и основать тамъ гавань и городъ. Предложеніе это не было осуществлено, но сознаніе въ его значеніи выразилось въ томъ пунктѣ Высочайшей инструкціи Берингу, гдѣ ему предписано изслѣдовать о. Сахалинъ и устье Амура.

Съ устройствомъ порта въ Охотскъ и гаваней въ Камчаткѣ, продовольствіе для людей и матеріалы для судостроенія подвозились съ непомерными затрудненіями изъ Якутска въ Охотскъ и оттуда на судахъ въ мѣсто назначенія. Для устраненія необходимости подвозки провіанта были сдѣланы опыты земледѣлія въ Камчаткѣ, но скудная почва и суровый климатъ отказались питать человѣка хлѣбомъ. Громадная стоимость продовольствія и разореніе якутовъ, на которыхъ была возложена натуральная повинность доставки хлѣба изъ Якутска въ Охотскъ, заставляла мѣстныхъ администраторовъ возвращаться къ предложенію сплава всѣхъ грузовъ по р. Амуру. Такъ, въ 1742 г., была подана правительству неизвѣстнымъ авторомъ записка о необходимости присоединенія Амурскаго края.

Въ 1753 г. сибирскій губернаторъ Мятлевъ предложилъ выговорить у Китая право свободнаго плаванія по р. Амуру. Разсмотрѣніе этого проекта въ сенатѣ совпало съ нѣкоторыми разногласіями съ Китаемъ по пограничнымъ вопросамъ; торговля съ Китаемъ была пре-

крашена и переговоры приняли такой острый характеръ, что можно было ожидать разрыва. Оба государства стягивали уже къ границѣ военныя силы. При такихъ обстоятельствахъ проектъ Мятлева пріобрѣталъ большое значеніе и сенатъ затребовалъ дополнительныя свѣдѣнія. Пограничный начальникъ въ Селенгинскѣ, внослѣдствіи генераль-губернаторъ Восточной Сибири Якобій, который руководилъ на мѣстѣ военными приготовленіями, не только присоединился къ обсуждаемому проекту, но даже предложилъ въ 1756 г., тайно приготовивъ на р. Шилкѣ флотилію вооруженныхъ лодокъ и значительную боевую силу, внезапнымъ нападеніемъ завоевать всю долину р. Амура и воздвигнуть тамъ рядъ крѣпостей. Такому присоединенію Якобій придавалъ весьма важное значеніе для открытія торговыхъ сношеній съ Японіею и Китаемъ и для укрѣпленія нашего владычества въ Камчаткѣ, на водахъ Охотскаго моря и Восточнаго океана. Весьма значительный расходъ на это завоеваніе, по мнѣнію Якобія, съ излишкомъ покрылся одною экономіею въ продовольствіи Камчатки. Якобій началъ даже строить суда на р. Ингодѣ, но Китайцы провѣдали объ этомъ и приготовились къ энергическому отпору при появленіи русскихъ на р. Амурѣ, какъ сообщалъ Братишевъ, русскій агентъ въ Пекинѣ. Проектъ Якобія не былъ принятъ правительствомъ, въ виду громадныхъ расходовъ на передвиженіе войскъ въ числѣ, необходимомъ для осуществленія обширнаго задуманнаго плана. Путемъ же переговоровъ было восстановлено согласіе съ Китаемъ и завоевательные планы были оставлены.

Въ это время частная русская предпріимчивость въ Восточномъ океанѣ замѣтно возрастала. Въ концѣ XVIII столѣтія промышленники организовали бобровый и котиковый промыслы на Алеутскихъ островахъ и распространили русскую власть до береговъ Америки. Потребность новыхъ колоній и коммерческихъ предпріятій въ удобномъ водномъ сообщеніи съ Сибирью побудили генераль-губернатора Лаба въ 1783 г. представить свои соображенія о необходимости присоединенія къ Россіи Амурскаго края. Правительство отклонило проектъ, не желая вызывать столкновенія съ Китаемъ. Та-же осторожность заставила правительство въ 1791 г., при отправленіи въ Японію Лаксмана для переговоровъ о торговлѣ, включить въ инструкцію запрещеніе поднимать вопросъ объ Амурѣ.

Въ то-же время впервые возникло предположеніе открыть прямой морской путь изъ Кронштадта къ русскимъ берегамъ Восточнаго океана, и въ 1786 году была уже рѣшена кругосвѣтная экспедиція, подъ начальствомъ Муловскаго. Предположеніе это однако не осуществилось вслѣдствіе политическихъ событій въ Европѣ и Америкѣ.

Впрочемъ, новый путь не отвлекъ стремленія на Амуръ, даже, напротивъ, взгляды правительства нѣсколько измѣнились въ пользу этого вопроса. Въ 1801 году генераль Штрандманъ представилъ новый проектъ присоединенія Амура. Хотя онъ и не былъ выполненъ, но, несомнѣнно, имѣлъ вліяніе на составленіе инструкціи Головкину, отправленному посломъ въ Пекинъ, въ 1806 году, для упроченія нашей торговли съ Поднебесною имперіею. Ему предписывалось собрать въ Китаѣ свѣдѣнія о судоходности Амура и выговорить право на плаваніе по этой рѣкѣ для доставки товаровъ въ наши колоніи въ Восточномъ океанѣ. Головкинъ вернулся изъ Монголіи, не достигнувъ Пекина и не могъ исполнить своей миссіи.

Съ учрежденіемъ сѣверо-американской компаніи въ 1798 г., наши колоніи и ихъ торговля получили довольно солидную организацію. Правленіе компаніи энергически принялось за устройство прямого сообщенія Ситхи съ Кронштадтомъ кругосвѣтнымъ путемъ, и въ 1803 году 2 судна, подъ начальствомъ Крузенштерна, отправились въ далекій край. Согласно полученной инструкціи, Крузенштернъ доставилъ товары компаніи въ Камчатку, отправился въ Нагасаки съ посланникомъ Рязановымъ, которому было поручено заключеніе торговаго договора съ Японіею. Не достигнувъ желаемыхъ результатовъ, экспедиція приступила къ своей научной задачѣ, къ провѣркѣ описи Татарскаго пролива, Лаперуза въ 1783 г. и Браутона въ 1793 году, а также къ изслѣдованію восточнаго берега о. Сахалина и входа въ устьѣ Амура изъ Охот-

скаго моря. Эти описи и составленные по нимъ карты служили до 1849 года единственными географическими свѣдѣніями о тѣхъ мѣстахъ.

Замѣчательно, что, не смотря на успѣшную доставку товаровъ въ Камчатку моремъ, купецъ Шемелинъ, сподвижникъ Крузенштерна, доказывалъ необходимость присоединенія Амура для развитія нашей торговли на восточныхъ водахъ.

Кругосвѣтный путь обезпечивалъ наши колоніи цѣнными товарами, но они не могли существовать безъ связи съ Сибирью, снабжавшею наши поселенія скотомъ и другими продуктами первой необходимости. Съ другой стороны, Охотскъ, составляя пристань для этихъ грузовъ, представлялъ весьма невыгодныя условія въ морскомъ отношеніи, какъ портъ открытый и мелководный, сообщеніе же его съ Якутскомъ было сопряжено съ непомерными трудностями. Напрасны были всѣ старанія устроить здѣсь дорогу и привлечь на нее осѣдлое населеніе. Эти причины вызвали усиленные поиски болѣе удобнаго порта на западномъ берегу Охотскаго моря. Много было предположеній, но всѣ они далеко уступали гавани въ устьѣ р. Амура, со сплавнымъ путемъ въ 3000 верстъ изъ хлѣбороднаго Забайкалья. Этимъ объясняется, что въ 1828 году вновь возникъ вопросъ о присоединеніи долины Амура. По инициативѣ генералъ-губернатора Лавинскаго и директора азіатскаго департамента Родофиникина, были собраны всѣ свѣдѣнія объ Амурскомъ краѣ, какъ по китайскимъ, такъ и русскимъ источникамъ. Богатый матеріалъ дали случайные русскіе свидѣтели: крестьянинъ Кудрявцевъ, который съ 1819 по 1821 годъ занимался самовольно рыбнымъ и пушнымъ промысломъ въ устьѣ Амура, и ссыльный Гурій Васильевъ, который съ 1816 по 1828 годъ бѣгалъ изъ каторги на Амуръ 3 раза, два раза былъ возвращенъ манджурскими властями, въ третій же разъ онъ успѣлъ спуститься до устья и выйти въ Удской острогъ, гдѣ онъ самъ явился къ властямъ. Но собранныя свѣдѣнія были не полны и сбивчивы; поэтому Лавинскій предложилъ отправить ученую экспедицію, подъ начальствомъ штурмана Козьмина, для изученія страны. Это предположеніе не осуществилось, изъ опасенія возбудить неудовольствіе Китая.

Вскорѣ послѣ этихъ событій, западные наши сосѣди пробили брешь въ вѣковой замкнутости Небесной Имперіи, основавъ Шангай и учредивъ тамъ значительную торговлю. Это новое мѣсто сбыта китайскихъ произведеній угрожало нашей торговлѣ на Кяхтѣ, и потому Россіи необходимо было принять мѣры къ употребленію нашего преобладанія на востокъ. Лучшимъ рѣшеніемъ затрудненія представлялось открытіе воднаго сообщенія по Амуру. Вопросъ этотъ былъ переданъ въ 1843 году на обсужденіе особаго комитета. Адмиралы Путятинъ и Крузенштернъ подали мнѣніе за подробное гидрографическое изслѣдованіе устья Амура, чтобы разсѣять существующія сомнѣнія въ судоходности лимана и возможности учрежденія тамъ порта. Только по окончаніи такихъ изслѣдованій, по мнѣнію адмираловъ, можно приступить къ обсужденію вопроса о необходимости присоединенія Амурскаго края.

Опись лимана была рѣшена въ 1844 г., но въ виду необходимости совершить экспедицію не возбуждая подозрѣній Китая, исполненіе работъ поручено россійско-американской компаніи за вознагражденіе отъ казны. Весною 1846 года компанія снарядила для экспедиціи бригъ «Константинъ», командиру же его, подпоручику Гаврилову, передала Высочайше утвержденную инструкцію со своими дополненіями. Ему предписывалось: войти въ лиманъ изъ Охотскаго моря, отыскать удобную якорную стоянку, поставить тамъ бригъ и произвести на шлюпкахъ промѣръ фарватера; собрать свѣдѣнія отъ туземцевъ объ условіяхъ плаванія вверхъ по рѣкѣ и описать прилегающіе берега острова Сахалина и материка до Удскаго края. По толкамъ въ средѣ тунгусовъ, на низовьяхъ Амура предполагалось будто-бы поселеніе бѣглыхъ русскихъ людей и присутствіе китайскихъ войскъ; Гаврилову было поручено провѣрить эти толки.

Цѣль экспедиціи содержалась въ тайнѣ до такой степени, что, при выходѣ брига изъ Аяна, 20 іюля 1846 г., только одинъ командиръ зналъ назначеніе плаванія, остальному эки-

пажу объявлено предстоящее дѣло только при входѣ въ лиманъ Амура. Изъ путевого журнала видно, что, оставивъ судно у берега острова Сахалина, Гавриловъ на шлюнкѣ и 2 байдарахъ поднялся по рѣкѣ до мыса Чныррахъ, т. - е. не дошелъ на 6 верстъ до мѣста, гдѣ впоследствии построенъ городъ Николаевскъ. Этимъ ограничились изслѣдованія Гаврилова, и онъ возвратился въ Аянъ 20 августа. Изъ отчета и приложенной къ нему карты выясняется, что баръ рѣки отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ сажени, фарватеръ извилистъ и обставленъ мелями такъ, что парусное судно не можетъ войти въ рѣку. Впрочемъ, Гавриловъ самъ признавалъ, что его разслѣдованія, вслѣдствіе недостаточности времени и средствъ, не точны и по нимъ нельзя еще судить о дѣйствительныхъ качествахъ устья. Онъ не встрѣтилъ ни русскихъ бѣглыхъ, ни китайцевъ и не замѣтилъ даже вліянія послѣднихъ на туземцевъ.

Правленіе компаніи представило отчетъ объ экспедиціи въ томъ смыслѣ, что цѣль ея выполнена и устье изслѣдовано достаточно, чтобы опредѣлить негодность устья Амура для порта. Вслѣдствіе такого донесенія состоялось Высочайшее повелѣніе оставить вопросъ объ Амурѣ, «какъ о рѣкѣ бесполезной».

Въ 1843 году академія наукъ поручила академику Миддендорфу изслѣдованіе сѣверной и восточной Сибири. Добытые имъ результаты вновь возбудили (и очень серьезно) сознание необходимости присоединенія Амурскаго края. Изучивъ берегъ Охотскаго моря до рѣки Уды, Миддендорфъ поднялся по этой рѣкѣ до ея источниковъ, перешелъ черезъ хребетъ на рѣку Бурею и отъ средняго ея теченія пересѣкъ долину Зеи и вышелъ на рѣку Шилку. Въ 1845 г. ученый путешественникъ сообщилъ генераль-квартирмейстеру Бергу, что на своемъ пути онъ нашелъ нѣсколько китайскихъ пограничныхъ каменныхъ столбовъ на южномъ склонѣ Становаго хребта, далеко южнѣе водораздѣльной линіи, которая принята границею по Нерчинскому трактату. Этимъ слѣдовало-бы, по мнѣнію Миддендорфа, воспользоваться, чтобы, признавъ столбы государственною границею, объявить русскимъ владѣніемъ огромную территорию къ сѣверу отъ нея до водораздѣльной линіи. Это извѣстіе вызвало посылку ученой экспедиціи, подъ начальствомъ полковника Ахте, для разслѣдованія всей пограничной полосы, что, впрочемъ, не имѣло непосредственнаго вліянія на ходъ вопроса о присоединеніи Амура. Кроме того Миддендорфъ убѣдился, что гилияки, населяющіе устье Амура, совершенно независимы отъ Китая и, по его мнѣнію, было-бы весьма полезно приобрѣсти у нихъ землю и основать тамъ торговую факторію.

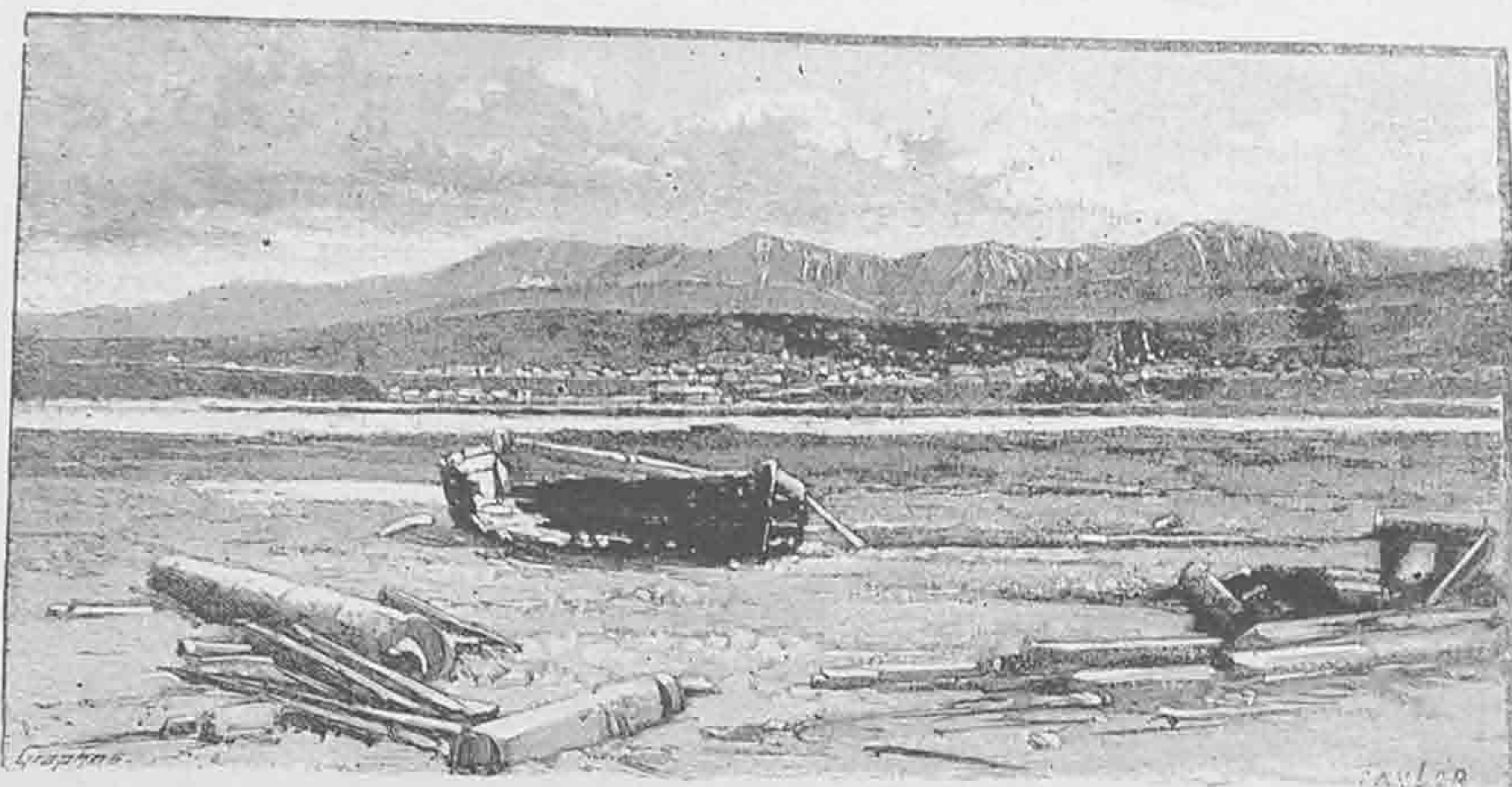
Н. Н. Муравьевъ.

Въ 1847 году былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири Николай Николаевичъ Муравьевъ, впоследствии графъ Амурскій, и съ этого момента вопросъ о присоединеніи Амура, вступилъ въ новый и послѣдній фазисъ. Ознакомившись съ дѣломъ, онъ горячо принялся за выполненіе вѣковыхъ надеждъ сибиряковъ и въ 11 лѣтъ окончилъ свой подвигъ, благодаря несокрушимой энергіи и помощи такихъ же преданныхъ дѣлу сподвижниковъ.

Изъ послѣднихъ болѣе всего выдался капитанъ-лейтенантъ Невельской, назначенный командиромъ транспорта «Байкаль» въ кругосвѣтное плаваніе. Энергичный морякъ не могъ мириться съ скромнымъ назначеніемъ доставить товары въ Петропавловскъ; онъ стремился къ участию въ работахъ государственной важности и поэтому обратилъ вниманіе на изслѣдованіе Амура. Онъ не могъ согласиться съ заключеніями Лаперуза, Браутона и Крузенштерна, что устье такой большой рѣки, какъ Амуръ, не доступно по мелководью. Онъ предполагалъ, что огромная масса прѣсной воды не можетъ теряться въ песокъ, что она должна прорыть

достаточно глубокий фарватеръ. Ознакомившись впоследствии съ работами Гаврилова, Невельской нашелъ ихъ не точными, недостаточными и не измѣнилъ своего взгляда. Предложеніе его, по доставкѣ товаровъ въ Петропавловскъ, идти на «Байкаль» въ устье Амура для изслѣдованія его, было встрѣчено министрами съ опасеніемъ за миръ съ Китаемъ; но, благодаря энергической поддержкѣ графа Муравьева, особый Комитетъ, учрежденный для разсмотрѣнія этого вопроса, разрѣшилъ изслѣдованіе удекаго берега до устья Амура.

21-го августа 1848 г. «Байкаль» вышелъ изъ Кронштадта, 12 мая 1849 г. достигъ Петропавловска, а 12 іюня былъ уже у сѣверной оконечности Сахалина. Оставивъ транспортъ, Невельской на гребныхъ судахъ изслѣдовалъ сѣверный фарватеръ, поднявшись по рѣкѣ до мѣста, гдѣ нынѣ расположенъ Николаевскъ, и обратился къ промѣру южнаго входа. 1 августа онъ достигъ той параллели, на которой оканчивались описи Лаперуза и Браутона, слѣдуя все время глубокимъ фарватеромъ за исключеніемъ бара, на которомъ онъ нашелъ 13 футовъ глубины. Этимъ результатомъ блистательно разрѣшенъ вопросъ о доступности Амура съ сѣвера и юга. На пути въ Аянъ была произведена опись берега и при входѣ въ сѣверный амурскій фарватеръ Невельскимъ открыта бухта «Счастія», довольно удобная гавань для не-

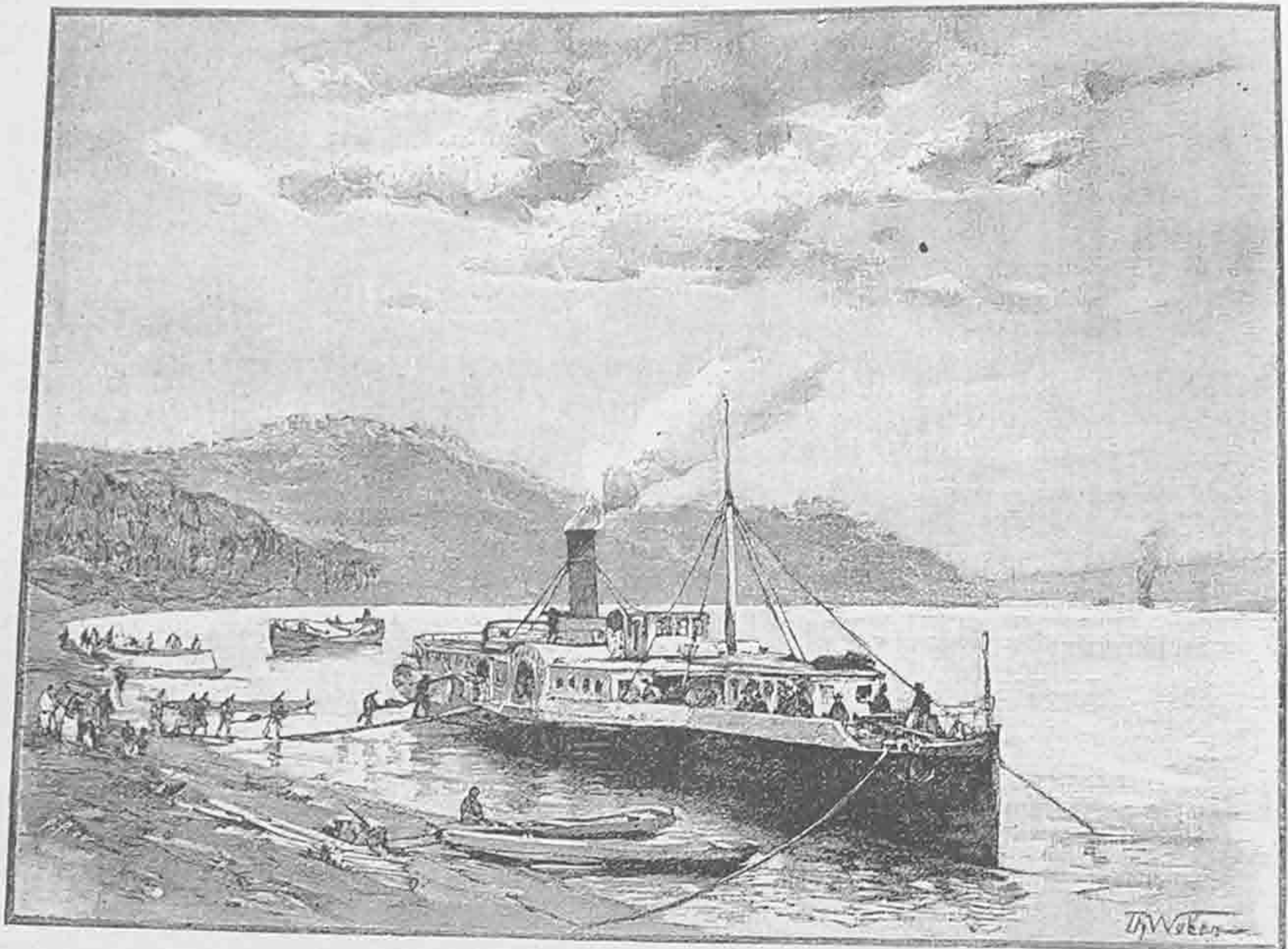
Селеніе Александровское (при впаденіи Перли въ заливъ Де-Кастри)

большихъ судовъ. Послѣдствіемъ открытія Невельского было Высочайшее повелѣніе 15 февраля 1850 г. объ учрежденіи Амурской экспедиціи, подъ начальствомъ того же Невельского. Ему было поручено занять удобное мѣсто близъ устья Амура и, подъ фирмою Сѣверо-Американской К^о, завязать торговля сношенія съ гиляками, но отнюдь не входить въ устье рѣки. Невельской прибылъ на мѣсто 27 іюня того же года, и за не имѣніемъ лучшаго мѣста, вынужденъ былъ основать въ заливѣ «Счастія» зимовье, названное имъ Петровскимъ. Скоро онъ убѣдился въ невозможности завязать въ этой гавани торговля сношенія съ гиляками и слѣдить за тѣмъ, чтобы не заняли устье Амура военныя суда другихъ націй. Кромѣ того, бухта «Счастія» представляла портъ весьма неудобный, какъ по своему мелководью, такъ и по продолжительности замерзанія. Эти причины вынудили Невельского превысить данную ему инструкцію и, изслѣдовавъ Амуръ вверхъ на 100 верстъ, основать Николаевскій постъ, впоследствии обращенный въ городъ. 1 августа 1850 г. онъ поднялъ русскій флагъ и салютовалъ его изъ орудія; въ то же время онъ передалъ всѣмъ инородцамъ и 2 китобоямъ прокламаціи, въ которыхъ островъ Сахалинъ и весь Татарскій берегъ объявлены русскимъ владѣніемъ. Этимъ было положено начало фактическаго присоединенія къ Россіи всего Амурскаго края.

Самовольный поступокъ Невельского могъ бы имѣть для него и для самаго дѣла ро-

ковья послѣдствія, по графъ Муравьевъ доложилъ императору Николаю Павловичу обстоя- тельства, вынудившія занятіе Амура, и Его Величество утвердилъ основаніе Николаевскаго поста. Съ этихъ поръ средства Амурской экспедиціи постепенно увеличивались, ея члены производили изслѣдованія, какъ по Амуру, такъ и по морскому берегу и на островѣ Саха- линѣ. Были основаны въ теченіе 3 лѣтъ военные посты въ Де-Кастри, Императорской га- вани и въ заливѣ Анива на островѣ Сахалинѣ.

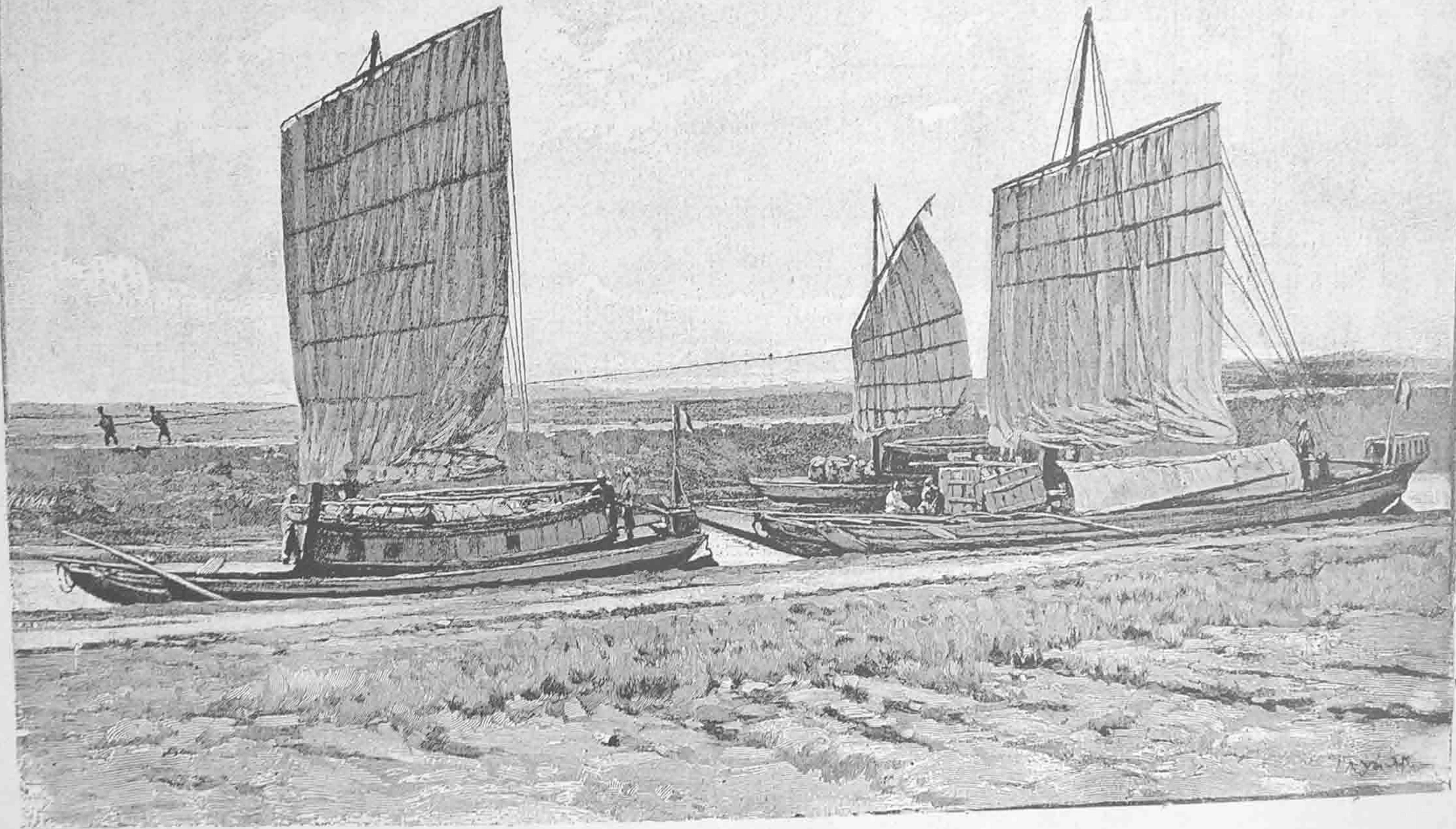
Восточная война 1854 года значительно ускорила вопросъ о присоединеніи Амура. Когда въ 1853 году выяснилась возможность разрыва Россіи съ Англіею и Франціею, графъ Му- равьевъ опасался нападенія союзниковъ на Камчатку и наши юныя колоніи при устьѣ Амура. Для снабженія угрожаемыхъ мѣстъ войсками, продовольствіемъ и военными припасами въ возможно скоромъ времени, единственнымъ путемъ представлялся сплавъ грузовъ и войскъ по Амуру. Въ этомъ смыслѣ графъ представилъ записку, которая разсматривалась въ особомъ

Пароходъ „Муравьевъ-Амурскій“.

Комитетѣ и удостоилась Высочайшаго утвержденія. Вслѣдствіе энергическихъ усилій капитана 2-го ранга Казакевича и полковника Корсакова, въ ту же зиму были построены на Шилкѣ баржи и кононерскія лодки и подвезены всѣ грузы; 14 мая 1854 года графъ Муравьевъ и ба- тальонъ солдатъ, во главѣ большого числа судовъ, пустился въ далекій путь по рѣкѣ, со- ставлявшей предметъ мечтаній сибиряковъ въ теченіе полуторыхъ вѣковъ.

Въ ту же весну прибыла въ Японское море эскадра адмирала Путягина, состоящая изъ фрегата «Паллады», паровой шхуны «Востокъ» и транспорта «Двины». Первое судно укры- лось въ Императорской гавани, гдѣ одно впослѣдствіи, при приближеніи сильной эскадры не- пріятеля, было затоплено. По прибытіи графа Амурскаго въ Маринскій постъ, 350 солдатъ были отправлены въ Де-Кастри и оттуда на транспортахъ «Двина» и «Иртышъ» въ Пе- тропавловскъ, гдѣ эти суда, вмѣстѣ съ прибывшимъ на нихъ подкрѣпленіемъ, приняли участіе въ блистательномъ отраженіи врага на далекій, не защищенный портъ. Остальная часть

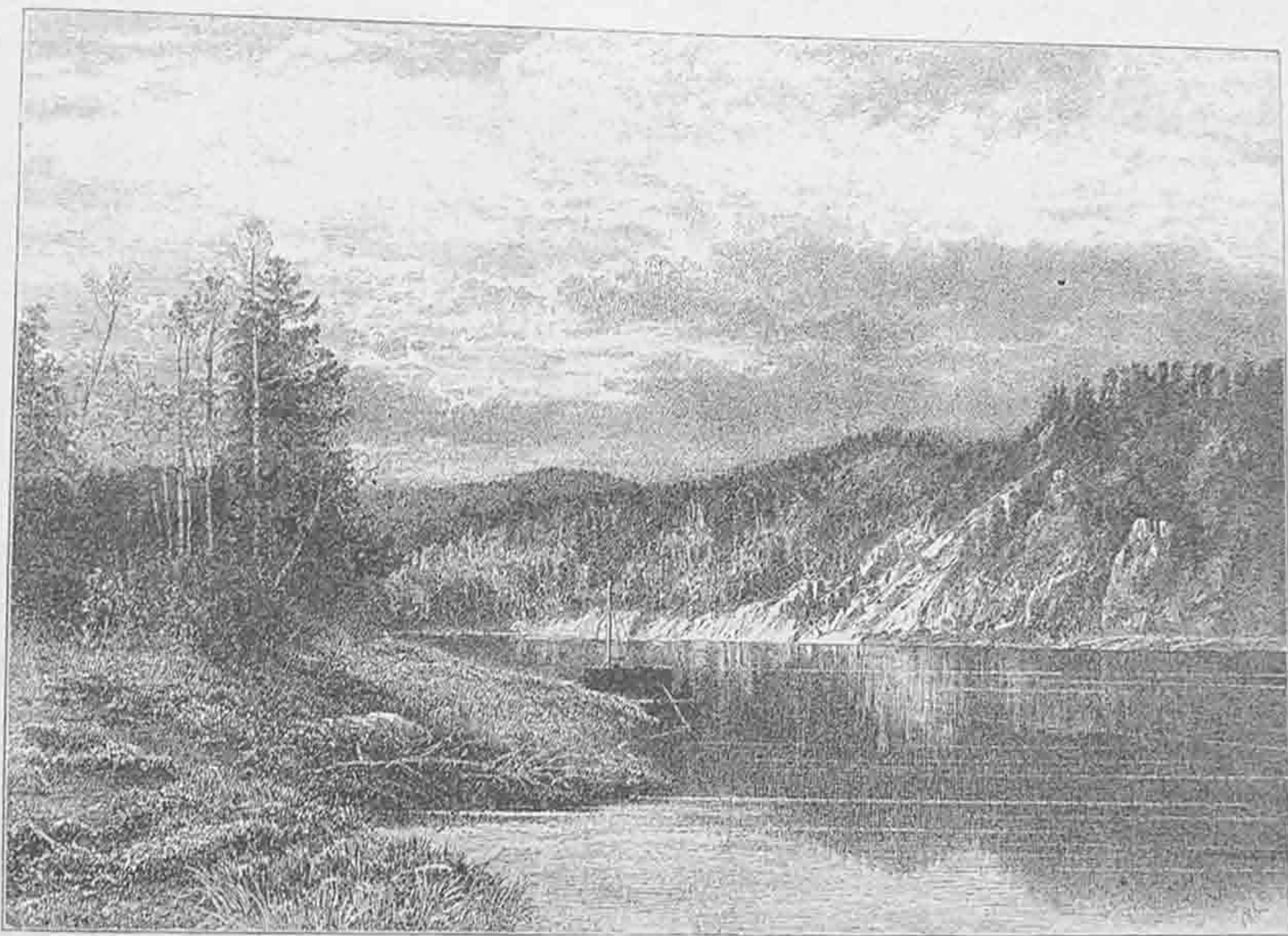

Суда на Пеі-хо.

войскъ была расположена въ Де-Кастри, Николаевскѣ и ихъ окрестностяхъ, чтобы отразить нападеніе союзниковъ на устье Амура.

Не смотря на удачное отраженіе эскадры союзниковъ, положеніе Петропавловска внушало опасеніе, тѣмъ болѣе, что затруднительность сообщенія съ Камчаткою ставила этотъ портъ въ совершенно изолированное положеніе, а средства его обороны и продовольствія были слишкомъ незначительны. Эти причины вызвали осенью 1854 года рѣшеніе перенести портъ въ г. Николаевскъ и приказаніе принять на фрегатъ «Аврору», и транспортныя суда всѣхъ служащихъ, и казенное имущество и доставить ихъ въ Николаевскъ, гдѣ рѣшено было учредить военный портъ. Раннею весною прибыли эти суда въ Де-Кастри, а, вскорѣ затѣмъ, новый сплавъ изъ Забайкальской области, доставившій запасъ продовольствія и линейный баталіонъ.

Непріятель рѣшился отомстить за понесенное пораженіе, и весною 1854 года его эскадра, въ усиленномъ составѣ и съ большимъ десантомъ, прибыла въ г. Петропавловскъ, съ твердымъ намѣреніемъ взять его силою. Не найдя тамъ ни войскъ, ни русской эскадры, союзные

Видъ на Амуръ.

крейсера пустились розыскивать послѣднюю и два изъ нихъ застали «Аврору» и «Двину» въ Де-Кастри, но не рѣшились атаковать и ушли за подкрѣпленіемъ. Этимъ временемъ воспользовался графъ Муравьевъ, чтобы укрыть нашъ флотъ въ Николаевскѣ и укрѣпить входъ въ устье Амура такъ, что когда прибыла непріятельская эскадра, то не нашла уже русскихъ судовъ въ Де-Кастри и ограничилась безрезультатною бомбардировкою русскаго лагеря, да высадкою не большого отряда, который былъ отбитъ.

Сплавъ грузовъ по Амуру, разъ установившійся, уже не прекращался. Ежегодно китайцы въ Айгунѣ видѣли наши транспорты, сперва доставлявшіе одни грузы, а вскорѣ—и переселенцевъ. На лѣвомъ берегу рѣки возникали русскіе военные посты и склады, а затѣмъ и казачьи поселья. Одновременно съ этимъ русскіе занимали и морское побережье, учреждая посты въ разныхъ пунктахъ. Такое фактическое занятіе края вызвало необходимость мѣстнаго управленія, и въ 1856 году учреждена Приморская область, а мѣстомъ пребыванія губернатора назначенъ Николаевскъ.

Одновременно съ фактическимъ присоединеніемъ Амурскаго края шли дипломатическія сношенія съ Китаемъ, вызванныя нашими дѣйствіями на рѣкѣ, признаваемой сынами Небесной имперіи своимъ достояніемъ.

Когда амурская экспедиція заняла устье Амура и нѣсколько гаваней, министерство иностранныхъ дѣлъ сочло необходимымъ снестись съ китайскимъ правительствомъ. Нотою 16 июня 1853 года было предложено Пекинскому трибуналу прислать въ Кяхту уполномоченныхъ для переговоровъ о той части границы, которая не опредѣлена Нерчинскимъ трактатомъ. Противъ обыкновенія, трибуналъ поспѣшилъ принять приглашеніе и осенью того же года уполномоченные Китая уже прибыли въ Ургу. Но графъ Муравьевъ имѣлъ въ виду присоединеніе всего лѣваго берега Амура до Уссури и отсюда къ югу всей страны между этою рѣкою и моремъ; посему онъ не могъ согласиться принять основаніемъ переговоровъ Нерчинскій трактатъ, въ которомъ Россія категорически отказывается отъ Амурскаго края. По докладу Муравьевымъ

Скалистый берегъ Амура.

этого дѣла, императоръ Николай Павловичъ согласился съ такимъ взглядомъ и повелѣлъ назначить Муравьева уполномоченнымъ съ тѣмъ, чтобы онъ прямо отъ себя сносился съ Пекинскимъ трибуналомъ совершенно самостоятельно, о чемъ было сообщено въ Пекинъ нотою 6 февраля 1854 г. Впослѣдствіи, 14 июня 1855 года, императоръ дополнилъ это повелѣніе приказаніемъ утвердить за Россіею весь лѣвый берегъ Амура. Съ этого момента направленіе переговоровъ рѣзко измѣнилось.

Отправляясь внизъ по Амуру съ запасами и войскомъ для отраженія англо-французскихъ силъ, графъ Муравьевъ сообщилъ о томъ въ Пекинъ депешою въ апрѣлѣ 1854 года. Китайцы желали ускорить рѣшеніе пограничнаго вопроса; но такая поспѣшность не входила въ виды Муравьева, который находилъ болѣе полезнымъ предварительно укрѣпиться на Амурѣ настолько, чтобы не опасаться войны съ сосѣдомъ. По этому онъ медлилъ отвѣтомъ и только въ февралѣ 1855 года сообщилъ въ Пекинъ, что все его вниманіе обращено на защиту устья Амура, которое могутъ занять союзники и тѣмъ нанести большой вредъ интересамъ самого

Китай; если же богдыханъ желаетъ ускорить переговоры, то пусть лѣтомъ пришлетъ своихъ уполномоченныхъ на устье Амура, гдѣ будетъ находиться графъ Муравьевъ.

Китайцы согласились на такое предложеніе и представители ихъ прибыли 8 сентября въ постъ Маринскій. Здѣсь графъ Муравьевъ, имѣя уже Высочайшее повелѣніе 14 іюня 1855 года о присоединеніи лѣваго берега Амура къ Россіи, категорически заявилъ, что Россія не можетъ допустить водворенія въ Амурскомъ краѣ иностранцевъ, и, вслѣдствіе этого, нами занята устье этой рѣки не только войскомъ, но и укрѣпленіями, которыя воздвигнуты на вѣчныя времена. Для поддержанія же нашей военной силы и въ вознагражденіе расходовъ на нее Россія требуетъ присоединенія всего лѣваго берега Амура и сопредѣльнаго Приморскаго края съ тѣмъ, чтобы граница между имперіями опредѣлялась рѣками Амуромъ и Уссури. Китайцы, ссылаясь на русскую ноту 16 іюня 1853 года, отвергли это предложеніе; графъ же Муравьевъ возразилъ, что съ тѣхъ поръ условія измѣнились, вслѣдствіе войны съ Англіею и Франціею, и нота эта потеряла свою обязательную силу. Онъ потребовалъ, чтобы заявленное имъ рѣшеніе пограничнаго вопроса было сообщено въ пекинскій трибуналъ, какъ основа дальнѣйшихъ переговоровъ, и объявилъ, что въ будущемъ году онъ вновь отправитъ по Амуру транспортъ войскъ и грузовъ. Свиданія уполномоченныхъ этимъ закончились, и графъ Муравьевъ написалъ въ Пекинскій трибуналъ, что Россія искренно желаетъ сохранить миръ и дружбу съ Китаемъ, но обоюдные интересы требуютъ предложенной имъ территоріальной уступки.

Селеніе на Пей-хо.

Китайское правительство, угрожаемое возмущеніемъ тайпинговъ и возникающими несогласіями съ западными державами, крайне опасалось разрыва съ Россіею и было расположено къ уступкамъ; но, въ виду разногласія въ требованіяхъ, съ одной стороны, — ноты нашего министерства 16 іюня 1853 года, а съ другой — графа Муравьева, приписывало послѣднему самовольное рѣшеніе вопроса. Въ этомъ смыслѣ была составлена грамота къ нашему сенату, съ которымъ трибуналъ сносился со временъ Петра I, игнорируя позднѣйшія преобразованія въ нашемъ государственномъ управленіи.

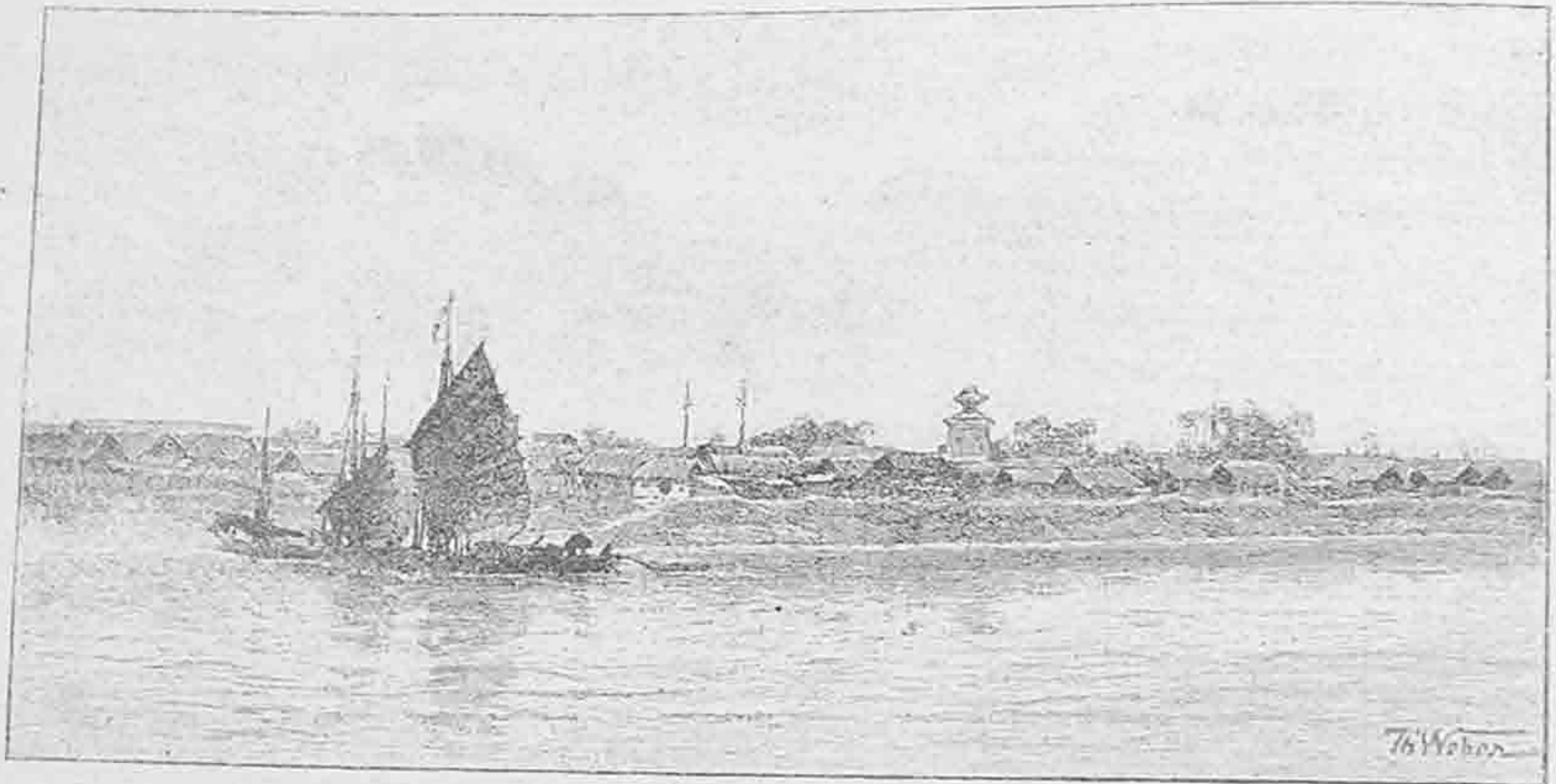
Между тѣмъ западныя державы рѣшились добиться свободной торговли въ Китаѣ и права имѣть своихъ резидентовъ въ Пекинѣ. А такъ какъ мирнаго соглашенія въ этихъ требованіяхъ не предвидѣлось, то послы названныхъ державъ явились во главѣ сильныхъ флотовъ и десантовъ. По просьбѣ Англіи о посредничествѣ съ Китаемъ и съ цѣлью выговорить и для Россіи выгодныя торговыя условія, былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Пекинъ адмиралъ графъ Путятинъ. Онъ прибылъ къ Кяхту въ апрѣлѣ 1857 года, но здѣсь была получена нота пекинскаго трибунала, которой китайское правительство старалось отклонить пріѣздъ графа въ столицу Небесной имперіи. Тогда графъ Путятинъ отправился по Амуру въ Николаевскъ, а оттуда на русскомъ военномъ суднѣ въ устье рѣки Пей-хо.

Китайское правительство, желая скрыть свое безсиліе подъ высокомернымъ обращеніемъ съ иностранцами, не только не приняло нашего посла, но даже протестовало противъ нашихъ дѣйствій на Амурѣ и объявило, что признаетъ только границу по Нерчинскому трактату. Въ

этомъ смыслѣ отправлена была грамота нашему Сенату вмѣстѣ съ жалобой на графа Муравьева, который не только продолжаетъ отправлять на Амуръ войска, но и заселяетъ казачьи лѣвый берегъ рѣки. По настоянію самого виновника жалобы наше правительство сообщило въ Пекинъ, что графъ Муравьевъ дѣйствуетъ согласно волѣ императора. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерство потребовало свиданія уполномоченныхъ въ Айгунѣ для окончательныхъ переговоровъ.

Высокомѣрный тонъ богдыхана быстро измѣнился подѣ вліяніемъ непріязненныхъ дѣйствій англо-французскаго флота. Когда графъ Муравьевъ прибылъ весною въ 1858 года въ русскій Усть-Зейскій постъ, основанный вблизи Айгуна, — онъ былъ встрѣченъ китайскими властями съ большимъ почетомъ и немедленно начались переговоры съ представителями пекинскаго правительства. Рѣшительный тонъ графа Муравьева привелъ переговоры къ быстрому окончанію, и 16 мая былъ подписанъ Айгунскій договоръ, по которому Амурскій край признанъ русскимъ владѣніемъ, граница проведена по Амуру до устья Уссури, далѣе же на югъ она оставлена неопредѣленною. Вотъ текстъ условій этого договора:

1) Лѣвый берегъ Амура, начиная отъ рѣки Аргуни до морскаго устья Амура, да будетъ

Айгунъ.

владѣніемъ Россійскаго Государства; отъ рѣки Уссури далѣе до моря находящіяся мѣста и земли, впредь до опредѣленія по симъ мѣстамъ границы между двумя государствами, какъ нынѣ, да будутъ въ общемъ владѣніи Дай-цинскаго и Россійскаго государствъ; всѣхъ же прочихъ иностранныхъ государствъ судамъ по симъ рѣкамъ плавать не должно; находящихся по лѣвому берегу Амура отъ рѣки Зей на югъ, до деревни Хормолдинъ, манджурскихъ жителей оставить вѣчно на мѣстахъ ихъ жительства подѣ вѣдѣніемъ манджурскаго правительства съ тѣмъ, чтобы русскіе жители обидъ и притѣсненій имъ не дѣлали.

2) Для взаимной дружбы подданныхъ двухъ государствъ дозволяется взаимная торговля проживающимъ по рѣкамъ Уссури, Амуру и Сунгари, подданнымъ обоихъ государствъ, а начальствующіе должны покровительствовать на обоихъ берегахъ торгующимъ людямъ двухъ государствъ.

По полученіи въ Пекинѣ извѣстія о заключеніи Айгунскаго договора китайскіе уполномоченные поторопились 1 іюня заключить съ Гр. Путятинымъ договоръ въ Тянь-цзинѣ, послужившій прекраснымъ дополненіемъ Айгунскому договору. 3 іюня китайскіе уполномоченные извѣстили графа о томъ, что богдыханъ утвердилъ послѣдовавшее у генераль-губернатора Муравьева съ Хейлуискимъ цзянь-цзюномъ соглашеніе о проведеніи границъ отъ Уссури до морскихъ портовъ и объ учрежденіи торговли по Амуру.

Заключеніе Айгунскаго и Тянь-цзинскаго договоровъ развязало руки Н. Н. Муравьеву по занятію и колонизаціи на этотъ разъ уже окончательно приобрѣтеннаго Россіею Амурскаго края. Въ 1858 же году Муравьевъ переименовалъ Усть-Зейскій постъ въ городъ Благовѣщенскъ, по имени перваго русскаго храма, заложеннаго тутъ въ присутствіи Муравьева архіепископомъ Иннокентіемъ и поручилъ подполковнику Будогосскому устройство по лѣвому берегу Амура цѣлаго ряда станицъ, получившихъ свое названіе отъ именъ сподвижниковъ Муравьева по занятію и заселенію Амурскаго края. Такимъ образомъ были увѣковѣчены имена Карсакова (Карсакова и Михаило-Семеновская), Свербеева, Буссе, Венцеля (Иркутскаго губернатора, до 1859 г. исправлявшаго должность генераль-губернатора во время отсутствія Муравьева), Кукеля (начальника штаба восточно-сибирскаго войска), Скобельцына, князя М. С. Волконскаго (Михайловская), Невельскаго, Казакевича, Будогосскаго, архіепископа Иннокентія, всѣхъ русскихъ храбрецовъ, дѣйствовавшихъ на Амурѣ въ XVII вѣкѣ (Хабарова, Пояркова, Бекетова, Пашкова, Бейтона), нѣкоторыхъ научныхъ изслѣдователей Амурской области (Раде, Аносова), наконецъ, достойной супруги Гр. Муравьева-Амурскаго, сопровождавшей его въ его поѣздкахъ на отдаленную нашу восточную окраину (ст. Екатерино-Никольская).

Для окончанія великаго дѣла, совершеннаго Н. Н. Муравьевымъ, оставалось только завершить разграниченіе Россіи съ Китаемъ отъ устья Усури по правую сторону Амура.

Въ 1859 г. для размѣна ратификацій по Айгунскому и Тянь-цзиньскому трактатамъ и для дополнительныхъ условій къ нимъ въ Пекинъ отправленъ былъ, въ качествѣ уполномоченнаго со стороны Россіи, Н. П. Игнатьевъ.

Онъ былъ очевидцемъ осады Пекина англо-французскими войсками и недоумѣнія лорда Эльгина и барона Гро, какъ поступить съ отворившей передъ ними ворота китайской столицей при дальнѣйшемъ отказѣ удалившагося въ Монголію богдыхана Сянь-фына отъ удовлетворенія ихъ требованій. Представители Англии и Франціи понимали, что, занимая Пекинъ, имъ не миновать въ немъ страшнаго кровопролитія, что разогнанное населеніе вынуждено будетъ опустошать сосѣднія области ради своего существованія и что чрезъ это возникнутъ смуты, которыя, вмѣстѣ съ возмущеніемъ тайпинговъ, надолго охватятъ внутренній Китай, при чемъ обширная торговая эксплоатація его англичанами и французами, составлявшая главную цѣль войны, не найдетъ себѣ мѣста. Равнымъ образомъ можно было ожидать, что въ случаѣ, если бы взятіе Пекина вызвало въ Китаѣ перемѣну династїи, то новый императоръ едва-ли пошелъ бы въ разрѣзъ съ вѣковыми предубѣжденіями китайцевъ и рѣшился бы сблизиться съ европейцами. При всемъ томъ отступленіе отъ Пекина союзниковъ было совершенно немыслимо, такъ какъ тогда Пекинское правительство еще упорнѣе стало бы уклоняться отъ заключенія съ ними трактатовъ.

Графъ Игнатьевъ положилъ конецъ этимъ затрудненіямъ. Сопровождаемый всего нѣсколькими казаками, онъ въѣхалъ 4 октября 1860 г. въ Пекинъ, узналъ, что управленіе столицей возложено на брата богдыхана Гунъ-цинъ-вана, убѣдилъ прибывшихъ къ нему китайскихъ сановниковъ въ необходимости воспретить истязанія европейскихъ плѣнныхъ и подалъ совѣтъ Гунъ-цинъ-вану безотлогательно начать переговоры съ лордомъ Эльгиномъ и барономъ Гро. Въ то же время, по его ходатайству союзнымъ войскамъ строго воспрещены были убійства и хищничества въ Пекинскихъ предмѣстьяхъ. Вліятельное содѣйствіе Игнатьева къ восстановленію мира вполнѣ оцѣнили, какъ уполномоченные Франціи и Англии, такъ и Гунъ-цинъ-ванъ. Французскіе архіепископы Апуйль и Мули благословляли его старанія—отвратить предстоявшее кровопролитіе въ Пекинѣ; ламы молились за него, какъ за охранителя неприкосновенности ихъ храмовъ, даже ургинскій кутухта прислалъ ему благодарственную грамоту, доказывая этимъ, что молва о его заслугахъ распространилась въ китайскихъ владѣніяхъ. Недѣлю спустя, 12 и 13 октября, лордъ Эльгинъ и баронъ Гро размѣнялись ратификаціями Тянь-цзинскаго трактата съ Гунъ-цинъ-ваномъ и заключили съ нимъ дополнительные конвенціи. Тогда и Игнатьевъ.

со своей стороны, пользуясь призвательностью Гунь-цинъ-вана, заключилъ съ нимъ 2 ноября 1860 г. Пекинский трактатъ, который не только подтвердилъ силу Айгунскаго и Тянь-цзинскаго договоровъ, но и указалъ государственную границу на всемъ протяженіи смежныхъ китайскихъ и русскихъ владѣній, а именно: укрѣпилъ за Россіею весь Уссурийскій край, съ заливомъ Петра Великаго, до границъ Кореи.

Этотъ трактатъ былъ блестящимъ концомъ нашей, не всегда рѣшительной, политики на дальнемъ Востоке. Вотъ почему исторія Русскаго Востока навсегда, безъ сомнѣнія, сохранитъ для нея столь драгоценныя имена русскихъ дѣятелей: Муравьева, Невельскаго, Путятина и Игнатьева, которые, каждый въ своей сферѣ, сдѣлали все, что предписывали имъ ихъ честь и интересы Россіи.

В. Буссе.

Ловля «красной рыбы».